

85.101д

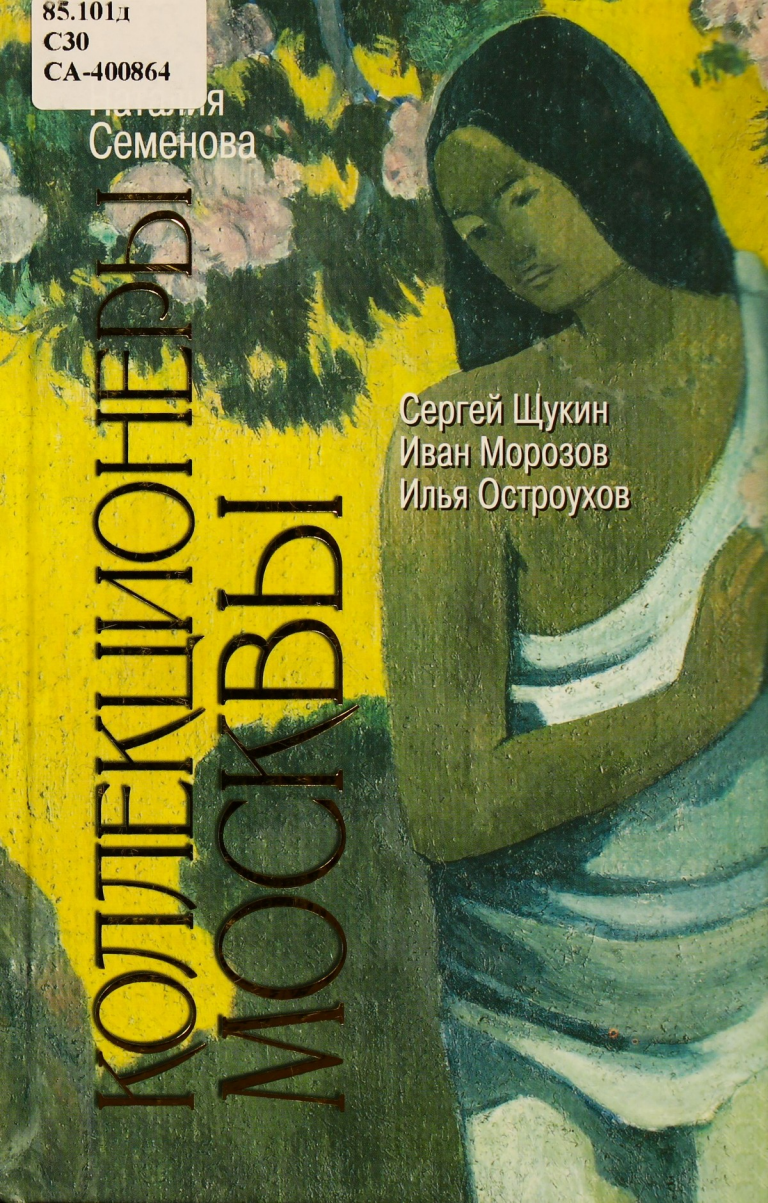
С30

СА-400864

Наталья
Семенова

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ МОСКВЫ

Сергей Щукин
Иван Морозов
Илья Остроухов

Наталия
Семенова

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ МОСКВЫ

Сергей Щукин
Иван Морозов
Илья Остроухов

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2022

СА-400864

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть первая. ЗАГАДКА ЩУКИНА	10
<i>Глава первая. Род Щукиных</i>	<i>13</i>
Отцовская линия: Щукины	13
Материнская линия: Боткины	14
Семья	19
<i>Глава вторая. Сергей Щукин: начало коллекции</i>	<i>27</i>
<i>Глава третья. Иван-младший</i>	<i>41</i>
<i>Глава четвертая. «Упадок или возрождение?»</i>	<i>46</i>
<i>Глава пятая. Брат Петр Иванович</i>	<i>56</i>
<i>Глава шестая. Новые трагедии</i>	<i>61</i>
<i>Глава седьмая. Перестройка особняка</i>	<i>72</i>
<i>Глава восьмая. Третья жертва</i>	<i>77</i>
<i>Глава девятая. Идеальный патрон</i>	<i>84</i>
<i>Глава десятая. Скандальные панно</i>	<i>91</i>
<i>Глава одиннадцатая. Матисс в Москве</i>	<i>102</i>
<i>Глава двенадцатая. Магия и гипноз Пикассо</i>	<i>111</i>
<i>Глава тринадцатая. Московский авангард</i>	<i>120</i>
<i>Глава четырнадцатая. Революция. Национализация.</i> Эмиграция	128
Часть вторая. МОРОЗОВ: НАБРОСКИ К ПОРТРЕТУ ...	145
<i>Глава первая. Династия Морозовых</i>	<i>151</i>
<i>Глава вторая. Михаил Морозов</i>	<i>160</i>
<i>Глава третья. Маргарита</i>	<i>178</i>
<i>Глава четвертая. В Москву, на Пречистенку</i>	<i>190</i>
Парижские увлечения	198
<i>Глава пятая. «Русский, который не торгуется»?!</i>	<i>206</i>
<i>Глава шестая. Морис Дени, или Французы в Москве</i>	<i>211</i>
<i>Глава седьмая. От всех закрытый</i>	<i>226</i>
<i>Глава восьмая. Гражданин Морозов</i>	<i>235</i>
Второй музей новой западной живописи	244
<i>Глава девятая. Выбыл из России</i>	<i>246</i>
Часть третья. ИЛЬЯ ОСТРОУХОВ: ГЕНИАЛЬНЫЙ ДИЛЕТАНТ	261
<i>Глава первая. «Лавинный темперамент»</i>	<i>261</i>
<i>Глава вторая. Художник одной картины</i>	<i>279</i>
<i>Глава третья. Избыток счастья</i>	<i>293</i>

<i>Глава четвертая. Уполномоченный Третьякова</i>	308
<i>Глава пятая. Господин попечитель</i>	321
<i>Глава шестая. Без Галереи</i>	338
<i>Глава седьмая. Глаз знатока</i>	347
<i>Глава восьмая. Колумб русской живописи</i>	363
<i>Глава девятая. «Музей Вашего имени...»</i>	379
Генеалогия рода Шукиных	395
Генеалогия рода Морозовых	396
Генеалогия рода Остроуховых	398
Основные даты жизни и деятельности московских коллекционеров	399
Сергей Иванович Шукин	399
Иван Абрамович Морозов	413
Илья Семенович Остроухов	421
Литература	432

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАГАДКА ЩУКИНА

Купеческий сын, коллекционер Сергей Иванович Щукин позволил себе увлечься новым искусством, на что не мог решиться ни один аристократ, обремененный кучей фамильных предрассудков и табу. Федор Шаляпин в автобиографической книге «Душа и маска» удачно прошелся насчет «социально-духовной эволюции купца-миллионера», явно намекая на нашего героя. «А то еще российский мужичок, вырвавшись из деревни смолоду, начинает сколачивать свое благополучие будущего купца или промышленника в Москве. ...Его не смущает, каким товаром ему приходится торговать... Сегодня иконами, завтра чулками, послезавтра янтарем, а то и книжечками. Таким образом он делается “экономистом”. А там глядь: у него уже и лавочка или заводик. А потом, поди, он уже 1-й гильдии купец. Подождите — его старший сыночек первый покупает Гогенов, первый покупает Пикассо, первый везет в Москву Матисса. А мы, просвещенные, смотрим со скверно разинутыми ртами на всех непонятных еще нам Матиссов, Мане и Ренуаров и гнусаво-критически говорим: “Самодур...”»

А самодуры тем временем потихоньку накопили чудесные сокровища искусства, создали галереи, первоклассные театры, настроили больниц и приютов на всю Москву». Наверняка Шаляпин имел в виду С. И. Щукина.

Коллекционеров во много раз меньше, чем художников. Следовательно, гениальных коллекционеров вообще единицы. Сергей Щукин, собравший в начале XX века одну из самых серьезных коллекций новой западной живописи, безоговорочно попадает в их число. Если бы Щукин родился в Европе или Америке, о нем писали бы романы, снимали фильмы и наверняка появился бы термин, опи-

сывающий «феномен Шукина» по аналогии с «синдромом Стендаля»¹ или чем-то подобным. Но С. И. Шукин жил в России, где случилась революция, и ему пришлось все бросить и исчезнуть из Москвы. А без денег и коллекции он перестал быть кому-либо интересен.

В 1936 году старик Сергей Иванович тихо скончался в Париже, и его забыли окончательно. Смерть Шукина совпала с «гражданской казнью» Музея нового западного искусства, где висели картины, купленные им когда-то. Капиталиста-эмигранта последний раз помянули в 1948 году, закрывая этот «рассадник формалистического искусства». Потом была «оттепель», картины повесили вновь, но спрашивать, каким, собственно, образом Матисс и Пикассо оказались в России, не полагалось. Только не в меру любопытные иностранцы позволяли себе интересоваться, откуда в Москве и Ленинграде взялись эти шедевры, но никакого вразумительного ответа не получали. Позднее, когда запретных тем почти не осталось, имя С. И. Шукина стали произносить вслух, биографию коллекционера и хронологию его покупок восстановили — спасибо моему учителю и наставнику Александре Андреевне Демской, создателю архива ГМИИ имени А. С. Пушкина, успевшей найти и расспросить еще остававшихся в живых шукинских родственников и знакомых. Американка Беверли Уитни Кин тоже внесла посильную лепту: ей удалось встретиться в Бейруте со старшим сыном коллекционера и записать его рассказ.

«В коллекции он выказал вкус. Но еще больше, чем вкус, своеобразие его собранию придает его способность воспринимать исключительное, особенное, непривычное. В этом он русский», — написал в 1914 году немецкий искусствовед Отто Граутофф. Неужели же только тем, что «он русский», можно объяснить фантастическое чутье московского торговца текстилем на авангардную живопись? Но почему именно он, потомок боровских лавочников, сумел купить столько шедевров, почему именно он, внук старо-

¹ Синдром Стендаля — избыточное возбуждение, испытываемое человеком от нахождения в зоне воздействия искусства или в месте сосредоточения большого числа объектов искусства. Название дано в честь французского писателя Фредерика Стендаля (настоящее имя Анри Бейль, 1783—1842), описавшего в книге «Неаполь и Флоренция: путешествие из Милана в Реджио» свои ощущения во время визита во Флоренцию.

обрядца, рискнул заказать Матиссу панно с обнаженными фигурами? Откуда такая поразительная интуиция? Разгадай мы «секрет Шукина», возможно, мы смогли бы разобраться в сути самого феномена собирательства.

Биографам писателей и поэтов можно позавидовать — и тебе черновики, и дневники, и письма. А как поступать с коллекционером, оставившим после себя несколько открыток, деловую переписку с художником А. Матиссом (публиковавшуюся и комментировавшуюся неоднократно) и несколько откровенных дневниковых страничек? Вместо цитат из стихов или прозы — одни лишь картины, а если сильно повезет — то цены с датами покупок. Однако должно же быть некое вразумительное объяснение приобретению шокирующих московских «людей от коммерции» полотен Сезанна и Пикассо помимо банальных слов о русских самородках, огромных деньгах и неудовлетворенных амбициях.

То, что Сергей Шукин гениальный коллекционер, — аксиома. «Феномен Шукина» — это одновременно феномен русского купечества, слухи о дремучести которого сильно преувеличены. Разговоры о «темном царстве» и отце-невежде — не про братьев Шукиных, которые выросли в богатейшей, прозападно ориентированной купеческой семье, учились в Европе, знали языки, разбирались в искусстве и состояли в близком или дальнем родстве со всей московской денежной аристократией второй половины XIX века. На самом-то деле про С. И. Шукина и его братьев можно было бы написать русскую «Сагу о Форсайтах», охватив почти целое столетие русской, да и европейской истории в придачу. Только представьте: наш герой родился в дореформенные 1850-е, учился в пореформенные 1860-е, стажировался за границей в 1870-е, вошел в семейное дело в 1880-е, стал покупать импрессионистов в 1890-е, Гогена и Матисса — в 1900-е, Дерена и Пикассо — в 1910-е, а умер в Париже за несколько лет до начала Второй мировой войны.

В семье Шукиных было не принято упоминать о коллекции. «Бабушка никогда мне не рассказывала об удивительных сокровищах своего мужа. Родители тоже хранили молчание», — говорил мне внук Сергея Ивановича, когда впервые увидел фотографии шукинской галереи. «Теперь я понял, почему в изгнании Сергей Иванович не мог жить без картин. Мой дед был одним из величайших собирателей своего времени».

Глава первая РОД ЩУКИНЫХ

Отцовская линия: Щукины

Брат Петр Иванович, собиравший древние архивы, нашел в Писцовых книгах Боровска за 1625 год упоминание о некоем «Ивашке сыне Щукина». Это означало, что отцовский род вел начало со «смутного времени» и родиной Щукиных был стоящий на крутом берегу реки Протвы Боровск. В незапамятные времена деревянная Боровская крепость считалась мощным форпостом, но случившийся в «лихие годы» страшный пожар уничтожил ее дотла, и из оборонительного поселения Боровск постепенно стал превращаться в торговый городок. К концу XVIII века он уже был вторым, после Калуги, городом калужского наместничества: купцы и мещане составляли более половины его населения. Еще Боровск считался городом староверов — две трети боровчан числили себя старообрядцами.

В Пафнутьев-Боровский монастырь дважды ссылали мятежного протопопа Аввакума, здесь же томились в заточении и мученически погибли боярыня Морозова с сестрой, княгиней Урусовой, чьи тела, по повелению царя Алексея Михайловича, тайно захоронили в остроге¹. Во время войны 1812 года Боровску пришел конец: город был разграблен, местное купечество, включая Щукиных, разорено. К середине XIX века Боровск окончательно захирел и превратился в имеющий «некоторое торговое значение» город. Но Щукиных в нем почти не осталось. Когда осенью 1812-го французы отступали по старой Калужской дороге (и Наполеон Бонапарт даже соблаговолил заночевать в Боровске), семейство двинулось на Север, бросив дома, огороды, лавки и небольшой стекольный завод. Отсидевшись в Вологде, Щукины раздумали возвращаться в разоренный Боровск и разъехались кто куда. С тех самых пор и пошли новые линии рода — сибирская и московская.

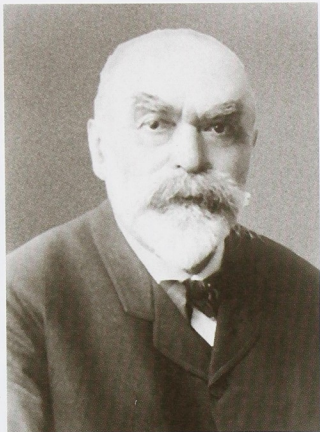
¹ Сподвижницы Аввакума сестры Соковнины (в замужестве — Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова), заточенные сначала в Боровский острог, а затем в земляную яму, где они в 1675 году скончались. Из опасения паломничества старообрядцев захоронены тайно. Любопытно, что в числе первых приобретений С. И. Щукина были этюды В. И. Сурикова к историческому полотну «Боярыня Морозова», купленному П. М. Третьяковым.

Сергей Иванович Шукин. Портрет работы Д. И. Мельникова. 1915 г.

Екатерина Петровна Шукина,
урожденная Боткина.
1860-е гг.

Иван Васильевич Шукин.
1870-е гг.

Семья Боткиных. В первом ряду: Петр и его жена Надежда, Сергей, Мария (в замужестве Фет-Шеншина), Михаил;
во втором ряду: Владимир, Павел, Дмитрий, Сергей Постников.
Начало 1860-х гг. Архив О. И. Дёмушкиной

Петр Иванович
Шукин.
1880-е гг.

Музей П. И. Шукина
на Малой Грузинской
улице в Москве.
1906 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРОЗОВ: НАБРОСКИ К ПОРТРЕТУ

Набросать портрет Ивана Морозова невероятно сложно. Редкий мемуарист вспоминает о нашем герое: слишком закрытой и непубличной фигурой был Иван Абрамович. То, что он охранял от сторонних глаз свою личную жизнь — скрывал женитьбу, а рожденную вне брака дочь выдавал за племянницу, — понятно. Но ведь и в свой особняк Иван Абрамович пускал неохотно, хотя желающих посмотреть морозовскую коллекцию было предостаточно. Про роль, которую он сыграл в семейном бизнесе, информации тоже совсем немного — ровно столько же, сколько о детстве и юности всех трех братьев Морозовых.

Итак, перед нами сын Абрама Абрамовича и Варвары Алексеевны Морозовых. Младший брат Михаила Морозова, прославившегося дворцом на Смоленском бульваре, красавицей женой и скандальными выходками. Старший брат Арсения Морозова — страстного любителя охоты, владельца мавританского замка на Воздвиженке, заставившего мать в сердцах воскликнуть, что теперь-де всей Москве станет известно, что ее сын — дурак. Именно в характере самой Варвары Алексеевны многие искали и находили истоки знаменитых морозовских «причуд». Так что без рассказа о ней нам не обойтись.

История жизни Варвары Алексеевны Морозовой, несомненно, вдохновила бы драматурга Островского, а школьники и по сей день писали бы сочинения о купеческой дочери Варваре с тем же безразличием, с каким пишут они о «темном царстве», бесприданницах, алчных мамах, коварных охотниках за приданым и засидевшихся в невестах купчихах. Многословный П. Д. Боборыкин, позаимство-

вавший фабулу ее жизни для сюжета романа, с задачей не справился: его Анна Серафимовна Станицына — бледное подобие Варвары Алексеевны; «оригинал был гораздо примечательнее копии», — заметил Павел Бурыйшкин. А ведь в истории Варвары Морозовой, урожденной Хлудовой, были все необходимые составляющие: коллизия, интрига, перипетии, кульминация, развязка и эпилог.

Девушка из Замоскворечья, с добрым от природы сердцем, при этом самостоятельная и решительная, мечтает посвятить себя чему-то благородному («Мне часто приходит мысль, что я существо не совсем обыкновенное и непременно должна отличить себя чем-нибудь необыкновенным, как, например, спасти свое отечество и т. п.»).

Одна из первых московских красавиц, ездит на балы, кокетничает с кавалерами («Что за нелепость, обращать внимание на всякого молодого человека: выказываться перед ним, стараться понравиться и даже в него влюбляться. Теперь всякая женщина это делает, но я не из одной гордости и самолюбия хочу отличиться от них, но из собственного моего ума. Не лучше ли прожить мой век так, как я теперь мечтаю, т. е. остаться в девушках, что в замужестве одно горе. Я знаю, что не могу быть счастливой замужем, независимо исполнять свои желания, делать добро... Но с силою воли и с умом можно осуществить мои планы... мне хочется не обращать внимание на мужчин, а ведь так и тянет посмотреть и понравиться то одному, то другому»).

Живет в роскошном дворце, но мечтает помогать бедным («Если бы меня в хорошие руки, то я бы вышла человеком... хочу жить порядочно, если не совсем хорошо... по возможности помогать бедным, не транжирить по пустому деньги») и «употребить жизнь с пользою» («Вот как бы я желала повести ее: во-первых, никогда не выходить замуж, давать уроки музыки и французского языка детям, а на эти деньги помогать бедным, потому что я в них не буду нуждаться»).

Тайком читает Белинского («Нужно же хоть немного подвигаться вперед, недаром читаешь Белинского, в которого я влюблена, хотя его не иначе видела, как на портрете, который вовсе не красив. Вот что значит его ум!») и журнал «Современник» («Чтение журнала развило ненависть к дурному и симпатии к честному, возвышенному и благородному... желание пройти через страдания и испытания...»).

Иван Абрамович Морозов. *Портрет работы К. А. Коровина. 1903 г.*

Главный вход на фабрику Товарищества Тверской мануфактуры

Представители всех четырех ветвей морозовского рода:
Абрам Абрамович (слева), Тимофей Саввич (сидит в центре),
Иван Захарович и Викула Елисеевич. *Начало 1860-х гг.*

Варвара Хлудова,
невеста
Абрама Морозова.
Конец 1860-х гг.

Варвара Алексеевна
Морозова.
*Портрет работы
К. Е. Маковского.
1884 г.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЛЬЯ ОСТРОУХОВ: ГЕНИАЛЬНЫЙ ДИЛЕТАНТ

Глава первая

«ЛАВИННЫЙ ТЕМПЕРАМЕНТ»

«Старая Москва звала его просто “Ильей Семеновичем”, без фамилии, словно никакой фамилии у него не было. Это — особая, исконная российская честь, означавшая, что другого человека с таким именем-отчеством не существует, а этого, единственного, должен знать всякий. Он делил в собирательстве это отличие только с “Павлом Михайловичем” — с самим Третьяковым... Династия людей имени-отчества вообще кончается. Новое время ее не возобновит». Критик Абрам Эфрос написал эти слова в 1929 году, когда людей с подобным, чуть ли не великокняжеским титулом почти не останется.

«Илья Семенович был одним из самых замечательных русских людей, каких мне приходилось встречать», — вспоминал близко знавший его П. П. Муратов, сам бывший ярчайшей фигурой Серебряного века, а после эмиграции — культуры русского зарубежья.

«Он был человеком большого ума (что для России еще не большая редкость), сильного, даже властного характера (что уже несколько реже) и огромной, неистребимой, деятельной любви к жизни (что, пожалуй, являлось у нас и совсем редкостью). Это последнее качество и было как раз связано с разнообразнейшей обаятельнейшей одаренностью Остроухова.

Он был всесторонне способным человеком. Любовь к жизни и интерес к жизни непрестанно поднимали способности его на уровень некой повышенной напряженности. Всякая мысль становилась для него неотложной, всякое дело — настойчивым, всякая забота — острой, всякое дело — живым... Этот человек никогда ни в чем не умел быть безразличным», — подытоживал Муратов.

При всех положительных качествах Илья Семенович часто бывал несносен. Из-за отвратительной несговор-

Илья Семенович Остроухов. Портрет работы В. А. Серова. 1902 г.

У Мамонтовых в Абрамцеве.
Слева — Валентин Серов,
сидят: М. М. Антокольский, П. А. Спиро, С. И. Мамонтов,
стоят: Надя Поленова и Илья Остроухов.
Начало 1880-х гг.

И. С. Остроухов
с племянницей
Верой Гучковой.
Середина 1910-х гг.

Художник
Илья Остроухов
за мольбертом.
*Портрет работы
В. И. Сурикова.
1884 г.*

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**